Иван-болтун

В некотором царстве, в некотором государстве жили старик со старухой. Что старик ухлопает, то старуха слопает. Встает рано старик и говорит: «Вставай, старуха, разогревай мне сковородку, пошел я на охотку!»

Ходил-ходил по лесу — никакого вещества не нашел. А старуха сковородку грела, пока она не покраснела.

Идет старик —сидит птичка, под ней двадцать одно яичко. Хлоп! Старик ее убил. Забрал эту птичку и двадцать одно яичко. «Ну, старуха, принес я закуску!» — «А чего, старик, принес?» — «Да вот, убил птичку на гнездышке, под ней двадцать одно яичко». — «А, — говорит, — кобель, не надо так-то бить! Садись-ка на яйца, доводи-ка их до дела, а то ведь они сейчас насиженные, никуда не годные. Доводи их, — говорит, — до дела».

И птицу варить не хотела.

Сидел старик на яйцах двадцать одну неделю. Вывел старик двадцать сыновей. Одно яйцо болтается. «Садись, — говорит, — кобель, доводи до дела и это!»

Просидел старик двадцать одну неделю, вывел Ивана-болтуна.

Живут-поживают, добра наживают. Старик забогател, настановил скирдов. Старуха померла. Стали скирды пропадать. Старик говорит: «Надо, дети, караулить!»

Назначил всем черед: по ночи караулить. Ивану-болтуну досталась последняя ночь. Пошел он в кузню, заказал в двадцать пять пудов молоток. Из пуда конопей свил оброть — полтора нуда железные удила.

Все братья проспали, ничего не видали, скирды каждую ночь пропадали. Подошла Иванова очередь. Сел он караулить. До двенадцати часов досидел — слышит конский топот: кобылица бежит, под ней земля дрожит, за ней двадцать один жеребенок. Как она топнула ногой — развалился скирд, жеребята к скирду подбежали. Был Иван на скирду, попал в нее молотком

между ушей по лбу. Села кобылица на коленки, и убрал ее Иван в оброть и в ленты. Приводит он ее домой, запер ее на двор.

Вставает отец: «Как мой, — говорит, — Иван-подлец?» — «Нет, батюшка, я есть рачитель, я твой приказ исполнил». Посмотрел отец, что целый двор лошадей, похвалил Ивана: «Вот, — говорит, —
у меня какой Иван, а вы что?» Назвал тех сыновей дураками: «Большие дураки, не рачительные!»

А лошади морские, такая-то красота!

Тут же стали они их делить. Отец себе взял матку. Большие поделили — себе на любки взяли[1]. А Ивану-болтуну самый захудалый жеребеночек достался.

Эти собираются на охоту, Иван себе жеребеночка попробовал: руку положил на спину — он гнется. Взял его на сутки пустил в луга, на другие сутки обратывает. Положил руку — он не гнется. Положил ногу — гнется. Пустил опять на сутки в луга. Приводит из лугов, кладет ногу на него — он не гнется. Сам садится — он гнется. Пустил опять на сутки в луга. Четвертый раз садится — он не гнется.

А те уже уехали на охоту. Едет Иван по полю. День проезжает и два проезжает — все братьев своих не видит. На третий день ночью едет, и, похоже, виднеется огонек. Подъезжает — все видней и жарче. Он и думает: «Знать, братья мои кашу варят».

Подъезжает, а это золотое перо. Жалко Ивану расстаться с золотым пером. А конь говорит: «Не подымай, Иван, золотого пера, большая будет беда!» Все-таки не послушал Иван коня, поднял золотое перо.

Съезжаются братья домой — отец приказ дает, чтобы вычистить лошадей: «Будет нынче смотр» (у кого какие лошади есть).

У тех братьев щетки и мыло, а у Ивана — ничего. Те все повы- мыли, повычистили, а Иван махнул пером — стал конь золотой.

Подводят большие братья отцу на смотр. Все кони чисты, все хороши. А Иван-болтун вывел — еще лучше, красота! Конь пляшет золотой. «Что, —

говорит отец, — вы! Какой плохонький ему достался, а вывел лучше всех ваших!»

Их ревность взяла, как бы его сподобить[2]: «Давай, ребята, удумаем, чего на него напрасно наговорить!» Пошли к отцу. «Эх, батюшка, Иван наш хитрый, он нам еще не тем хвалится». — А что, ребята?» — «Он нам хвалился: «Я, — говорит, — не как вы, а достану кота-игруна, и гусака-плясуна, да лисицу-цимбалку».

Вот отец поверил. Призывает Ивана: «Тут ребята про тебя сказали, что ты можешь достать кота-игруна, и гусака-плясуна, да лисицу-цимбалку!» — «Нет, батюшка, ничего не знаю!» — «Как так не знаешь? Мой меч — твоя голова с плеч! Не хочу я этого, а достань мне!»

Тут Иван заплакал, пошел к коню на думу. Приходит к коню — заплаканы у Ивана глаза. Иван говорит: «Ох, верный мой конь! Вот мне беда!» — «Эта беда — не беда, а впереди будет беда!»

Отправляется Иван в иные города. Нашел он кота-игруна, нашел гусака-плясуна и купил лисицу-цимбалку и привез отцу в подарок. «Что вы, мои сыновья! По крайней мере, у меня Иван — голова, все исполнил мои дела!» — «Ох, батюшка, Иван не то знает, нам хвалился!» — «А что, что, ребята?» — «Он говорит: «Я не то знаю. Я знаю, где гусли-самоигры».

Потом отец Ивана призывает: «Иван, привези мне гусли-самоигры!» — «Ой, батюшка, я про них и не слыхал и видеть не видал!» — «А что за твои эти отпоры? Привези! Мой меч — твоя голова с плеч! А чтоб гусли-самоигры представил!»

Тот заплакал и пошел к коню на думу. Приходит к коню: «Ой, конь мой верный! Вот моя пришла беда!» Конь человеческим голосом объявляет ему: «Это не беда, впереди будет беда! У тро мудренее вечера!»

Встает Иван рано, седлает своего золотого коня, отправляется в густые леса. Ехали-ехали, стоит избушка на куриных лапках, на собачьих пятках. «Стань ты, — говорит, — ко мне передом, на запад задом».

Переворотилась избушка. Выходит из нее Баба Яга костяная нога, на ступе ездит, метлой подметает, пестом-крестом погоняет. «Ах ты, добрый

молодец! Зачем сюда зашел?» — «Бабушка ты, старушка, не спросила ты у меня, какое у меня горе-беда! Накормлен ли я, напоен ли я, или с голоду помираю?» Та старушка умилилась на его слова: «Иди, — говорит, — парень, сюда!»

Слезает парень с коня, входит к ней туда. Сажает она его на стул. Напоила-накормила, про его горе расспросила. «Ах, бабушка, горе мое большое! Как мне это быть, как мне гусли-самогуды добыть?» — «Я, родимый, знаю, где эти гусли!» — «Ой, ой, бабушка, расскажи и моему горю помоги!» — «Парень-красота, мне жалко тебя! Это у моей сестры есть. У ней есть сын — Змей Горыныч. Как же мне это быть, ведь он тебя может сподобить! Ну, уже я постараюсь, свою сестру попрошу. Привяжи, — говорит, — ты коня за шелковы удила. Вон мой двор и дубовый кол. Дам, — говорит, — тебе клубочек, держи ты его за кончик. Он будет катиться, и туда ты иди».

Он идет, клубочек катится. Его двор, Змея Горыныча, на двенадцати цепях, на двенадцати замках. Подходит. Постучался, мать-старушка вышла. «Ох, парень молодой, зачем сюда зашел? Мой сын прилетит, он голодный, тебя съест». — «Ох, бабушка, ты у меня не спросила, какая моя беда! Голодный ли я, холодный ли я...»

Та старушка спольстилась, повела его в хату. Напоила-накор- мила, про всю его беду-горе спросила: «Ну, я твоему горю помогу!»

Глядит она на часы. В двенадцать часов Змей Горыныч прилетит, надо Ивана-болтуна прятать: «Ложись в конник, я буду его встречать, тебя, молодого парня, защищать!»

Вот в двенадцать часов прилетает ее сын Змей Горыныч. Сам летит — земля дрожит. Влетел в дом: «Русь-кость пахнет!» — «И-и, сыночек, по Руси летал — Руси набрался, тебе и тут Русью пахнет!» — «Собирай, мама, поесть!» (Есть захотел.)

Выдвигает она из печки целого быка, подает она ему ведро вина. Выпил он вина и закусил сладко быка. Дело его повеселело: «Эх, мама, с кем бы мне сыграть в карты?» — «Эх, детенок, я бы надумала, с кем в карты сыграть, да боюсь — вред будет!» — «Уважаю тебя, мать, никакого вреда не будет, но охота в карты поиграть!»

Нечего делать старухе, надо парня из конника вынимать. «А как, — говорит Змей, — мы будем в карты играть?» Они между собой договор сделали: кто кого обыграет, в дураки введет, тот того ест.
Вот старуха во что бы то ни стало сына вводит в дураки с Иваном-болтуном. Два дня играли, и ввели они его с матерью в дураки. Тот Змей на коленки становится, просит мать и Ивана-болтуна: «Не ешьте меня!» — «Что ж, отдай мне гусли-самоигры!»

Тот Змей своего друга наградил и далеко его проводил: «Ой, мама, у меня будут гусли еще втрое лучше!»

Приезжает к отцу Иван, повесил гусли. Ударили гусли играть — гусак стал плясать, лисица-цимбалка стала танцевать. «Что вы, ребята! Вот у меня Иван — голова! А вы что?»

Ребята те задумались. Пошли еще на него ложно обдумывать. Больший брат говорит: «Знаете что, ребята? Я слыхал, в ином царстве есть Марья-королевна; скажем, что за тебя замуж пойдет» (отцу будут говорить).

Иван спит, а эти ребята к отцу пришли. Он их бранит, из двора гонит. «Вот он нам, папенька, хвалился, что за тебя Марья-королевна невеста есть!»

Призывает отец Ивана-болтуна: «Иван, ты хвалился братьям, что вот Марья-королевна за меня невеста есть!» — «Ой, папенька, и не знаю ничего!» — «Нет, нет, это не отговор твой! Мой меч — твоя голова с плеч! А чтобы представил мне Марью-королевну!»

Тут Иван-болтун заплакал, пошел к коню: «Вот беда мне какая!» А конь говорит: «Это беда — не беда, впереди будет беда!» Ну, чего Ивану осталось делать? Забирает своего коня, набирает гусли с собой, и лисицу-цимбалку, и гусака-плясуна, и кота-игруна, ну, словом, всю охоту, и садится на корабль.

Ехали-ехали, приезжают к этому государству, где Марья-королевна есть.

Сейчас она живет над морем.

Марья-королевна не выходила даже никогда по дворцу гулять из своего дома. Тогда они скинули свои паруса, остано- иили корабль. Заиграли они в

музыку, в гусли заиграли. Тут Марья-королевна взметалась по дому: «Ой, папенька, я такой музыки не слыхала отродясь!»

Ну, что стоит царю со своими прислугами, сенными девками! Пустили ее на море туда посмотреть и послушать. Устроили они к ихней пристани корабль. Отворены были окна у корабля. Как она, царская дочь, оперлась на окна и заслушалась этой музыки, которой она не слыхала сроду, не могла она заметить в своих заслушанных думках, когда ее перевалили в тот корабль. И быстро понесли их паруса оттуда, и увез Иван-болтун Марью-королевну.

Когда привез Марью-королевну, отец обрадовался, плясал, покуда свою лохматую шапку потерял. «Ну, теперь будем мы жениться!» Марья-королевна говорит: «Нет, погоди, сумел меня увезти и сумей мою шкатулку унести!» А старик спрашивает у Марьи-королевны: «А где ж шкатулка есть?» — «Моя шкатулка под столом, на котором батюшка мой обедает среди дома».

Отец призывает Ивана-болтуна: «Вот тебе задача, чтобы ты шкатулку привез». — «Ой, батюшка, я не смогу!» — «Мой меч — твоя голова с плеч! А привезти шкатулку!»

Разговору больше нету. Тот заплакал и пошел к коню на совет: «Ой, конь мой верный, вот мне беда!» — «Это беда — не беда, впереди будет беда! Ложись спать, утро мудренее вечера».

Встает Иван, седлает своего коня, отправляется в ту сторону, где был. Приезжает он в это царство, где рождена Марья-королевна.

Идет странник. Купил он с него одежду с сумкой за сто рублей. Поехал туда, в Марьи-королевны дворец. Махает туда- сюда золотым пером — стал конь золотой. Пустил он его во двор. Выскочили прислуги и сам государь с царицей. Стали они коня ловить и забыли у дома двери затворить. А Иван-болтун за это время был управен, мог быстро шкатулку в сумку ввалить. Выскакивал
он во двор и кричал: «Не смогу ли я поймать коня?»

И быстро попали ноги в стремена. И увез ее, шкатулку. «Умел меня увезти и мою шкатулку унести!» Теперь старик еще пуще рад: «Привез шкатулку — жениться буду!» Марья-коро- левна говорит: «Погоди! Все ты сделал, но

сделай то: в море есть двенадцать кобылиц, пригони мне их сюда!»

Призывает отец Ивана-болтуна: «Чтоб ты двенадцать кобылиц пригнал мне!» — «Ой, батюшка, не смогу!» — «Нет, нет отговору! Мой меч —твоя голова с плеч! А чтоб пригнал!»

Заплакал Иван-болтун и пошел к коню на совет: «Ой, конь мой верный, вот мне беда!» Конь человеческим голосом говорит: «Теперь беда! Ну, что господь даст! Готовь ты двенадцать кож, и двенадцать пудов бечевы, и двенадцать пудов смолы, и три пуда железных прутьев. И поедем мы к этому морю, в этом море двенадцать кобылиц».

Все это Иван приготовил и с собой повез. Развел котел со смолою, кожей коня уматывает., бечевой увязывает, смолой зали- иаст. Когда он двенадцать кож умотал, и двенадцать пудов бичевы увязал на него, и двенадцать пудов смолы улил на него, ЮГ да конь сказал ему: «Смотри по часам на то место, где я прыгну. Если через три часа бурки не пойдут в том месте, то прыгай за мной с железными прутьями».

Так тщательно смотрел Иван-болтун на то место! Через два с половиной часа пошли бурки. Третьего часу не допустили — все кобылицы повыскочили. На коню только осталась одна кожа не порвана, а то все погрызли зубами с него те лошади!

Теперь говорит Марья-королевна: «Ну, Иван-болтун, теперь сумей котел молока надоить из них». — «Ой, Марья-королевна, по могу я их подоить!» Отец говорит: «Нету отказу! Мой меч — твоя голова с плеч!»

Заплакал, пошел к коню на думу. Конь говорит: «Не горюй, Иван-болтун, это неважно!»

Принялся Иван-болтун за работу. Надоил из них котел молока. Марья-королевна говорит: «Теперь надо молоко кипятить!»

Пошел Иван-болтун к коню на думу: «Ой, конь мой верный! Какие мне приказы! Велели молоко кипятить!» Конь говорит: «Это неважно!»

Сказала она, Марья-королевна: «Как молоко закипит, скажите мне».

Пошел он к коню подумать. «Ну, — говорит конь, — когда вскипятишь молоко, тебя будут заставлять прыгать в него, купаться. Когда я в конюшне храпну до трех раз, тогда ты прыгай».

Вскипятил Иван молоко. Из края в край закипело.

Доложили Марье-королевне. А старик так и не отпускает, смотрит на нее. Идут они, со стариком, Марья-королевна, к кипяченому молоку, к котлу. И требуют Иванушку: «Ну, Иванушка, все ты сделал, сделай теперь — в кипучем молоке искупайся!»

Котел кипит, молоко аж выскакивает! Снявши рубаху, Иван долго на краю котла стоял, от своего друга верного известия ««дал. Когда конь в конюшне третий раз храпнул, той минутой и оп прыгнул. Из края в край до трех раз проплыл.

Так был хорош, а то еще лучше красавец стал. Стал кровь с молоком!

Марья-королевна говорит на старика: «Ну, прыгай и ты туда!»

Тогда старик прыгнул в молоко, и развалились его кости.

Иванушка с Марьей-королевной перевенчался, живут-пожи- вают, добра наживают. Я ж у них была и мед пила, по губам текло, а в рот не попало.

И басне конец.

(Зап. от А. К. Барышниковой (Куприянихи), с. Большая Верейка Землянского р. Воронежской обл.)

1 Выбрали таких, какие понравились.
2 Здесь: погубить.

Сказки Куприянихи. Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Вступ. ст. и общ. ред. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.